

Ведущая
Ирина КРОВОТА
ira.krotova90@mail.ru

КРАЙ РОДНОЙ

ТЕМАТИЧЕСКАЯ
СТРАНИЦА
Выпуск №10

Дом Марины

Юрий КОШЕЛЬ

Кто из вас в юности не мечтал сделать открытие? Кто не жалел, что уже завоёван Южный полюс, раскопаны сокровища Трои, покорён Эверест и даже на Луну ступила нога человека? Неужели это правда, что всё-всё открыто и изучено вдоль и поперёк? А как же я? Мне ничего не осталось? Ну хоть что-нибудь? Для чего же тогда жить?

И только с годами, пережив романтический-юношеский возраст, начинаешь понемногу догадываться, а потом и понимать, что каждого из нас ждёт большая работа и от нас зависит сделать жизнь интересной для себя и полезной для общества, или, как говорили в моё комсомольское время, — в жизни всегда есть место подвигу.

В мои юношеские годы творчество Цветаевой не входило в школьную программу, её стихи не читали с эстрады, сборники почти не издавали. И я, имевший пятёрки по литературе, любивший поэзию Пушкина, Лермонтова, Некрасова (спасибо отцу), Маяковского (спасибо школьному учителю), не читал и не слышал ни строчки Марины Цветаевой. А ведь вместе с ней от нас был скрыт и крупнейший пласт русской культуры. Вот такими недорослями я и мои товарищи вышли из школы.

А дальше пошло, как и у всех: служба в армии, институт, работа, создание семьи. Но всегда и во всём со мной были стихи моих любимых поэтов, только список их расширялся и расширялся. Когда я услышал имя Цветаевой и впервые прочитал её первое для меня стихотворение («Бич жандармов, бог студентов...»), я просто потерял покой от мощи стиха. Я не учил его, он тут же сам собой «заучился», и я в полном восторге разговаривал сам с собой: «Вот это поэт! Вот это сила! Какая рифма!» С той поры я стал, неопасно для окружающих, буквально одержим Мариной Цветаевой, пусть совершенно ничего не зная о ней.

И вот когда спустя немного лет я вдруг узнал, что, оказывается, Цветаева когда-то ещё до войны жила в нашем городе, эта новость меня сразила наповал. Как? Неужели правда, что Гениальный Поэт гуляла по тем же улицам, что и я, заходила в те же магазины, ездила на электричке? А где она жила, в каком доме, с какими соседями? Как же так, что мы, культурные жители нашего «космического» города, не зна-

ем об этом? Срочно разыскать всё, что известно о данном периоде жизни Марины Ивановны!

Здесь надо сделать небольшое отступление. К тому времени я успел познакомиться с москвичкой Надеждой Ивановной Катаевой-Лыткиной, человеком энциклопедических знаний, посвятившей свою жизнь изучению жизни и творчества Марины Цветаевой. От неё я узнавал сложные коллизии биографии Поэта, которые будут преданы гласности лишь десять лет спустя. Именно Надежда Ивановна сподвигнула меня на решительные поиски цветаяевских мест в Болшеве, хотя некоторые находки к тому времени мы успели накопить.

Здесь я впервые сказал «мы» и расшифрую, что это значит. Заниматься поисками в одиночку трудно, глупо и непродуктивно. К счастью, таких же одержимых любителей поэзии в нашем городе Королёве немало, и подсказки, советы и помощь шли от друзей. Инженер Новелла Балашова, выступая с лекцией о творчестве Марины Цветаевой в городской больнице №1, нашла там Людмилу Григорьевну Харитонову, терапевта, которая училась в одном классе с сыном Цветаевой. Георгий провожал её из школы домой (им было по пути), и мы узнали, в какой стороне города надо вести поиски. Это была первая серьёзная удача нашей группы единомышленников!

Редакция «Калининградской правды» опубликовала нашу заметку о Цветаевой, совсем крошечную, но это было первое печатное слово в нашем городе о любимом поэте. Благодаря этому мы разыскали ещё двух «девочек-одноклассниц» Георгия: Тараканову и Гуссар. Потом списались с ещё одной — Олей Вольф, живущей в Белоруссии.

Время шло, увлечённость была сильной, желание двигаться к цели буквально не знало границ, но до неё было далеко, и путь к цели не проглядывался.

На велосипеде я изъездил северо-западную часть Калининграда вплоть до Загорянки, исколесил и часть Болшева, примыкающую к станции. Вглядывался в каждый деревянный дом старой постройки: может, увижу какой-нибудь знак пребывания здесь моего кумира или услышу звук, подсказывающий: здесь! Но нет. Подсказку мы получили, откуда и подумать не смели, — от самой Марины Ивановны! И вот как это случилось.

Лето 1982 года. Стихов Цветаевой всё ещё не печатают в альманахах, их невоз-

можно услышать на поэтических вечерах, за сборниками в библиотеках — многомесячные очереди. И вот от Катаевой-Лыткиной я узнаю о существовании письма Цветаевой к Павленко, где та что-то важное пишет о своей жизни в Болшеве. Но копия этого письма есть только у Льва Мнухина, самоотверженного и отчаянного собирателя всего на свете, что связано с жизнью и творчеством Цветаевой. И вот, спасибо Мнухину, Надежда Ивановна узнала всё, что было в том письме, и тут же поделилась со мной радостью. Помню как сейчас, я звоню ей в Москву из телефона-автомата, а говорить сразу же начинает она:

— Слушайте и записывайте. Во-первых, посёлок Новый Быт; во-вторых, это была дача Экспортлеса; в-третьих, потом на ней поселился начальник милиции, который там и повесился?

— Да (соврал я, не записывая, ибо память всё схватила мгновенно).

— Сможете найти?

— Постараюсь (отвечал я как во сне от предчувствия неслыханной удачи).

День был воскресный, погода солнечная, и азарт слепого бросил меня к микрорайону Новый Быт, ибо как местный житель я претлично знал его расположение. Я вломился со стороны Костина к чередке домиков посёлка и, не выбирая, открыл калитку, которая была ближе других. Наверное, мой возбуждённый вид выдавал во мне ненормального человека (так я думаю сейчас), и хозяева, молодые люди моего возраста, сначала оглядели меня с ног до головы и только потом вежливо ответили, что не знают ничего. Но вот, дескать, на соседней улице живёт старушка, уж она что-то может подсказать.

Не помню, поблагодарил я их или не успел это сделать, так как очень торопил себя. До Подмосквовской улицы рукой подать, и вот я на этот раз не так смело отворяю скрипучую калитку, и передо мной стоит старенький покосившийся домик, а на крыльце — старушка, «божий одуванчик». Одет она была явно не по погоде — в пальтишке и валенках. Навсегда осталось в памяти её певучее, как из позапрошлого века, отчество — Лавровна.

— Эх, милая, дачи Экспортлеса — это ж рядом. Поверни за угол, и вскорости они по леву руку будут. Их три, одна к одной. Цветаева? Нет, такую не слышала.

(Спасибо вам, милая Лавровна, ещё шажок с вашей помощью сделан. Остался один. Последний?)

Не помню, как я шёл дальше. Ощущение, что оказался там мгновенно, как в русских сказках меня туда перенесла неведомая сила. Всё точно — три похожих дачных домика подряд вдоль улицы Свердлова, номера 11, 13 и 15. Какой же из них? Поселковые улицы никогда не бывают безлюдны. Так и здесь. Невдалеке от меня что-то делал по хозяйству мужчина. Это был человек в годах, но довольно жилистый, хорошо знакомый с физическим трудом и поговорить мастак, как оказалось. Он живо подтвердил, что да, эти дома принадлежали Экспортлесе. И тут я, глотнув побольше воздуха, задал чужим, не своим, голосом решающий вопрос:

— Скажите, а вот, по слухам, будто бы здесь жил начальник Костинской, наверное, милиции и будто бы, опять же по слухам, он повесился?

— Всё так и было, хорошо это помню. Разное по этому поводу говорили, но мы, мальчишки, не вникали. Ещё оркестр на похоронах играл. У него сын остался, с ним мы дружили.

— А в котором из трёх домов жил милиционер?

Спросив это, я отчётливо сознавал величие момента: через мгновение буду знать, где в нашем городе жила Марина Цветаева. Так и произошло!

Я как во сне приблизился вплотную к забору дома №15 и пожирал его глазами, будто это было творение моих рук. В этот миг я постигал nirvanу, хорошо, что меня никто не видел. Мой нечаянный помощник продолжал заниматься своим делом, не было людей и на участке цветаяевского дома (в будущем я с ними познакомлюсь). Меня прямо-таки распирало от счастья совершённого открытия, но ощущение времени ко мне всё же вернулось. Быстрее, быстрее к телефону-автомату, надо обрадовать Надежду Ивановну.

До открытия Дома-музея Марины Цветаевой на этом месте оставалось ещё ровно десять лет.

Фабрикант Сапожников

Нина ЗАКАЛЮКИНА,
ЛАУРЕАТ ГОРОДСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ
ИМЕНИ С.Н. ДУРЫЛИНА 2015 ГОДА(Окончание. Начало в «КП» №18
от 18 февраля)

В 1910 году, во время празднования 100-летия Московской практической академии коммерческих наук, В.Г. Сапожникову, который покровительствовал ей с 1863 года, был пожалован чин действительного статского советника. В Строгановском училище (где он был членом Совета с 1896 года), бывшем тогда одним из прогрессивных культурных центров России, была учреждена премия его имени. Владимир Григорьевич, наряду с художниками В.М. Васнецовым, В.Д. Поленовым, П.М. Третьяковым, с промышленниками С.И. Мамонтовым, С.Т. Морозовым в 1897 году вошёл в жюри I Всероссий-

ского конкурса рисунков для художественной промышленности. Воскресные классы Строгановского училища посещали работники его фабрики. Являясь с 1887 года членом Московского уездного податного присутствия, вникая во все острые жизненные вопросы, Сапожников немало способствовал развитию в Мытищинской волости лечебного дела. Занимаясь в 1990-х годах постройкой мытищинской лечебницы, он настаивал на том, чтобы при этом были использованы качественные строительные материалы, а не самые дешёвые, как предлагалось в целях экономии. Сам Владимир Григорьевич пожертвовал на лечебницу 1500 рублей; работал в санитарной комиссии. На одной из сессий земского собрания ему, попечителю мытищинской лечебницы, была выражена благодарность.

Между тем в 1890-е годы начало развиваться и фабричное производство. В 1892 году была основана Спас-Сетуньская ковровая фабрика, в 1895-м в селе Алексеевском на шёлкокрутильной фабрике А. Биллион налажена выработка основы для тканей. В Москве в 1893 году на месте старых обветшавших Верхних торговых рядов на Красной площади был открыт новый роскошный магазин (ныне ГУМ). Там у Сапожниковых появилось своё торговое заведение, в котором продавали ткани оптом и в розницу.

В целях упрочения и дальнейшего развития дела В.Г. Сапожников в 1911 году преобразовал свою фирму в паевое «Торгово-промышленное товарищество А. и В. Сапожниковых». 11 мая 1898 года у супругов Сапожниковых родился последний — шестой — ребёнок, сын Сергей. До него, после Веры, 19 мая 1882 года появилась на свет Екатерина, 18 июня 1883 года — Наталья. 22 февраля 1888 года родился сын Григорий. Сергей и Наталья

были крещены в Космодамианской церкви села Болшева, соседнего с деревней Городищи.

В конце жизни В.Г. Сапожников был возведён в дворянское достоинство, причём не обычным порядком, по представлению губернского предводителя дворянства, а по повелению верховной власти. Особую торжественность этому событию придавало обстоятельство, что публикация указа правительствующего сената была приурочена, по распоряжению председателя Совета министров Петра Аркадьевича Столыпина, к 1 января 1910 года, когда Его Императорское Величество Николай II был в Москве проездом из Ливадии в Санкт-Петербург.

За полвека, которые были связаны с болшевской землёй, Сапожниковы стали здесь крупнейшими землевладельцами — им принадлежала значительная часть современной территории города Королёва. В начале XX века часть земель была выделена под застройку дачами — появил-

ся дачный посёлок Сапожниково, просуществовавший до начала индустриального развития нашего города.

Владимир Григорьевич Сапожников умер в 1916 году. Похоронен он был, вероятно, на кладбище московского Новоспасского монастыря, рядом с могилами отца и матери. Кладбище это было утрачено сразу после революции, нет и документов, которые помогли бы точно установить факт захоронения выдающегося фабриканта. По счастью, до сегодняшнего дня на Введенском кладбище столицы сохранились могилы супруги Владимира Григорьевича Елизаветы Григорьевны, их дочери Веры, Натальи, Екатерины, невестки Елизаветы Ивановны и внучек — Александры и Елизаветы. Почти 100 лет прошло с тех пор, как Сапожниковы покинули Болшево — ведь после революции национализирована была и их фабрика, и усадьба. Но жива память об этих замечательных людях, живших на нашей земле.